

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Р.Г. Апресян

О дивергенции понятий «мораль» и «нравственность»

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: apressyan@iph.ras.ru

Распространенность в литературе различных вариантов дивергенции понятий «мораль» и «нравственность» (в немецком «Sittlichkeit», в английском «ethics», во французском «éthique»), представляет собой несомненный дискурсивный факт. Как правило, разведение «морали» и «нравственности» является результатом субстанциализации функциональных и нормативных особенностей морали (нравственности), обычно выявляемых философской этикой. Внутренняя неоднородность присуща морали как на функциональном, так и на нормативной уровне. Необходим специальный анализ различных опытов дивергенции для прояснения их теоретических и методологических предпосылок, их принципиальной целесообразности, возможного «рационального зерна» и возможных «прорех». У авторов, сторонников философии, в особенности моральной философии, разделение морали и нравственности нередко оказывается последним шагом в аналитическом освоении морали-нравственности с характерным невниманием к выработанному в философии понятийному аппарату, посредством которого феномен морали (нравственности) концептуализируется с учетом его внутренней неоднородности и полифункциональности. Было бы большим упрощением думать, что попытки дивергенции морали и нравственности всегда – следствие теоретических недоразумений. Как раз, напротив, дивергенция порой проводится в силу убедительных теоретических мотивов и рассматривается адептами таких подходов как плодотворный путь к обогащению наших представлений о нормативной культуре и нормативном опыте. В статье предпринимается попытка разбора в первом приближении некоторых проектов дивергенции морали и нравственности. Автор статьи не согласен с тем, что разделение морали и нравственности как таковое плодотворно, но не исключает, что подобные попытки при последовательном их осуществлении (что встречается довольно редко) могут иметь положительные теоретические эффекты, и они должны аналитически оцениваться отдельно в каждом индивидуальном случае.

Ключевые слова: дивергенция «морали» и «нравственности», Г.В.Ф. Гегель, В.С. Библер, А.С. Арсеньев, П. Рикёр, З. Бауман

В вопросе о теоретической целесообразности разведения понятий «мораль» и «нравственность» социально-гуманитарные ученые делятся на тех, кто считает, что эти понятия тождественны, и приписывание им смысловых отличий вносит в обсуждение этических проблем путаницу, и тех, кто находит для такого различия достаточные резоны. С дисциплинарной точки зрения, эта дифференциация социально-гуманитарных авторов почти однозначна: по моим наблюдениям, подавляющее большинство специалистов по этике считают эти понятия тождественными, а большинство не-этиков (среди которых немало философов) считают, что различие этих понятий имеет глубокий смысл.

Вопрос о целесообразности или нецелесообразности выделения на основе названных терминов отдельных понятий и их разведения непосредственно связан с тем, как осмысливается и концептуализируется отражаемая в них реальность. Это не вопрос семантики живого языка. Это именно теоретически-дискурсивный вопрос. В живой речи эти термины употребляются в варьирующихся значениях, что обусловлено различиями в узусе конкретных культурных сред, привычками и языковыми интуициями их представителей. В одной веб-дискуссии по вопросу о соотношении «морали» и «нравственности» А.А. Сычев отмечал: «Естественный язык, оперируя словами “мораль” и “нравственность”, достаточно произвольно смешивает их содержание»¹. Правда, при этом он усматривал определенные тенденции в их употреблении: слово «нравственность» почти никогда не используется в негативном контексте, чего не скажешь о слове «мораль»: «“читать мораль”, “низкая мораль”, “мораль рабов” и пр.». Этот ряд выражений, представляющих мораль в разнообразных негативных контекстах, продолжает Д.В. Колесов². Требуются специальные лексико-семантические исследования для проверки этих впечатлений на разнообразном речевом материале, но, надо сказать, что подмечаемые исследователями тенденции в естественном языке определенным образом коррелируют с характером распределения значений между понятиями «мораль» и «нравственность», проводимого теоретиками³.

Не дело теоретика давать носителям языка какие-либо рекомендации относительно того, как понимать и употреблять слова «мораль» и «нравственность». Однако от теоретика, настаивающего на том или ином разведении концептов «мораль» и «нравственность», с полным правом следует ожидать разъяснения своей позиции.

¹ «Мораль» и «нравственность» (Материалы интернет-дискуссии, в рамках проекта «Развитие этического образования в высшей школе»). URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/8.html> (дата обращения: 07.01.2021).

² Колесов Д.В. Множественность различий нравственности и морали // Развитие личности. 2008. № 1. С. 34. Автор указывает на такие выражения, как: «...мораль партии, мораль “класса”, “корпоративная” мораль, “воровская” мораль, “расовая мораль”», в которых никогда не используется слово «нравственность». См. также: Седакова О. Морализм искусства, или О зле посредственности // Седакова О.А. Избр. работы. Т. 4. Moralia: Эссе. Лекции. Заметки. Интервью. М., 2010. С. 254–257.

³ Арсеньев А.С. Взаимоотношения науки и нравственности: философский аспект // Развитие личности. 2013. № 4. С. 49.

В русскоязычном теоретическом дискурсе в вопросе о разведении понятий «мораль» и «нравственность» настойчивее всего психологи, занимающиеся проблемами морали. Поскольку одним из приоритетных фокусов исследовательского внимания психологов являются мотивы людей, внутренние основания и условия поведения, они гораздо обостреннее воспринимают различия между субъективным и объективным планами поведения, между его внутри-личностными и социально-групповыми факторами. Эти различия ассоциируются ими с разными «формами сознания», разными социокультурными феноменами, которые и обозначаются ими как «нравственность» и «мораль»⁴. Примечательно, что в социологии морали, напротив, идея дифференциации морали и нравственности не востребована и в малой степени. Социологи воспринимают мораль по преимуществу как социальный институт, как механизм социального дисциплинирования; роль индивидуального сознания, самоопределения личности признается в социологии морали, но в целом ее значение рассматривается в контексте понимания морали как социального института⁵.

Moralität и Sittlichkeit у Гегеля

Авторы, настаивающие на разведении «морали» и «нравственности», нередко упоминают Гегеля – наиболее известного и, кажется, единственного философа классического периода, проводившего различие между моралью и нравственностью (в разные периоды творчества по-разному)⁶. Методология гегелевского подхода к этому вопросу заслуживает особого внимания.

В «Философии права» (как и в «Философии духа» – третьем томе «Энциклопедии философских наук») мораль и нравственность выделялись Гегелем наряду с абстрактным правом. Эти три явления составляют различные определения единого феномена – *права* в широком значении слова как «наличного бытия свободной воли», «вообще свободы как идеи»⁷. Каждая из них представляет собой «особое право» в качестве «определения и наличного бытия свободы», и в совокупности они образуют концептуальную триаду, вне которой действительный смысл морали и нравственности остается скрытым. Как таковые абстрактное право, мораль и нравственность глубоко *взаимосвязаны*⁸, прежде всего концептуально – как этапы становления понятия. Существенные

⁴ См. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб., 1999. С. 155; Барсукова С.А. Совесть как психологический феномен // Психологические исследования нравственности / Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2013. С. 19; Колесов Д.В. Множественность различий нравственности и морали. С. 33–34.

⁵ См. Кирилина Т.Ю. Социология морали: учебник для вузов М., 2016.

⁶ Различие между Moralität и Sittlichkeit встречается спорадически и у Канта (см., например: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Пер. И.А. Шапиро // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М., 1994. С. 23).

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 199.

⁸ Там же. С. 90.

различия между ними заданы характером самоосуществления субъекта в отношении себя и других.

В *абстрактном праве* свободная воля ограничена лицом, которое актуализирует свое право внешне – в собственности и отношениях, возникающих по поводу нее. На этом уровне право лица объективировано в собственности (предполагающей владение и пользование вещью), в договоре и процедурах его обеспечивающих, а также – негативно – в действиях, нарушающих договор и попирающих право, что вызывает ответные меры, направленные на восстановление причиненного неправомерными действиями ущерба и накладывающие на нарушителя наказание. Непосредственная и единичная в абстрактном праве субъективность лица только в договоре приобретает некие общие определения благодаря опосредованности волей других участников договора. Нарушая договор, лицо идет на правонарушение, и оно совершается лицом в его единичности. Но следуемое за правонарушением наказание выступает проявлением общей воли. Тем самым абстрактная воля лица возвращается к себе, и благодаря этому она становится явной для себя и реальной волей.

Обращаясь на самое себя, т.е. рефлексирова, лицо, еще будучи частной и субъективной волей, начинает осознать свободу как свою тождественность с собой и тем самым себя как субъекта. Это проявляется в том, что «человек хочет, чтобы о нем судили по его самоопределению», независимо от внешних обстоятельств⁹ (обратное, с моральной точки зрения, недопустимо, и означает насилие), «хочет сам быть во всем том, что он делает»¹⁰. В *морали*, в отличие от абстрактного права, для которого субъективный принцип и субъективное намерение не имеют значения, становится актуальным вопрос о самоопределении, мотиве воли, устремленности к цели (умысле). В морали преодолевается отличие единичной воли от всеобщей воли. Моральная точка зрения принимает форму права субъективной воли. Но единичная воля еще не тождественна с понятием воли, и поэтому на уровне морали так важно долженствование. Еще одно отличие морали от абстрактного права состоит в том, что последнее содержит только запреты, и поэтому правовое действие отрицательно по отношению к воле других, между тем как в морали субъективная воля деятеля позитивна по отношению к воле других. Выраженная в *поступке*, в котором реализуется долженствование, она устремлена к их *благу*, и благодаря этому всеобщая воля скрыто присутствует в ней. Моральным поступком делает его *направленность* на определенную цель (умышленность) – благо, *намерение* его достичь (в чем проявляется достоинство поставленной цели), а также *ответственность* за осуществление цели. Намерение задает содержание поступка, которое в качестве цели воли есть *добро* (с соотнесенным с ним злом). Неосуществленность умысла, фиаско при свершении добра порождают *вину*.

В *нравственности* субъективная воля объективируется посредством практического самоопределения. Объективированность, по Гегелю, может быть различной: дозволение себе унижения до состояния раба, до полной зависимости тоже считается объективированием; но оно оказывается возможным вследствие

⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 154.

¹⁰ Там же. С. 155.

отсутствия субъективного волеопределения, внутренней духовной наполненности. В нравственности объективирование достигается посредством свободного самоосуществления в действительности, в самосознательном действии, в деятельном добре. Как говорит Гегель, «нравственность есть идея свободы»¹¹. Она двойственна: с одной стороны, она есть ожившее добро, обретшее действительность через активность знания и воли индивида, а с другой – самосознание находит в ней свое абсолютное основание и цель. Понятие свободы на уровне нравственности соединяет самосознание и существующий мир. Объективирование индивида ведет к смещению доминанты с него на институты и законы действительности. Свобода осуществляется теперь через них, они составляют сущность объективированного индивида, а индивид предстает как их определение. Более того, «есть ли индивид, объективной нравственности безразлично» – она та сила, которая регулирует его¹². При этом индивид ощущает нравственные законы как свою собственную сущность – как «обязанности, связывающие его волю»¹³. Реализованное в действительности, независимое самосознание задает нравственность, которая практически воплощена в *семье, гражданском обществе и государстве*.

Примечательно, что авторы, настаивающие на разведении «морали» и «нравственности», своими упоминаниями Гегеля вроде бы воздают должное великому философу, однако как правило не разделяют его подхода, его методологии¹⁴. Речь не о том, как в дивергенции Гегелем морали и нравственности воплотилась его философская система (хотя для гегелеведения это отдельная и значимая тема), но о том, что у Гегеля абстрактное право, мораль и нравственность выступают в глубоком и органическом единстве, представляя собой разные «ступени в развитии понятия свободы»¹⁵, разные формы мыслящего самосознания¹⁶, разные по назначению проявления единого функционала права (в общем смысле этого гегелевского понятия). Гегель не конструирует некое теоретическое содержание, закрепляемое им с помощью терминов «мораль» и «нравственность». Он не рассматривает абстрактное право, мораль и нравственность как этапы исторической последовательности, не полагает их в качестве различных институтов данного общества¹⁷. Скорее, наоборот, на языке своей философии он стремится выразить различные аспекты об-

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 200.

¹² Там же. С. 201.

¹³ Там же. С. 202.

¹⁴ Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль-1990: Научно-публицистические чтения / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 1990. С. 18.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. С. 90. Гегель не дает никакого повода думать, что он выводит различие между моралью и нравственностью из естественного словоупотребления. Как раз наоборот, он отмечает, что обычно эти слова считаются одинаковыми по значению, а их существенное смысловое различие задается в процессе их концептуализации, проводимой теоретиком в соответствии со своими аналитическими задачами.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ От такой интерпретации Гегеля предостерегает Т. Ирвин (см. *Irwin T. The Development of Ethics: A Historical and Critical Study. Vol. III: From Kant to Rawls. Oxford, 2009. P. 180*).

щественной жизни, в частности, ценностно-нормативной, социально-регулятивной практики, и вместе с тем показать, что относительно этих различных аспектов «морально-нравственные»¹⁸ вопросы возникают неповторимо и своеобразно, так что абстрактное право, мораль и нравственность представляют различные стороны саморегулятивной (автономной) и социально-регулятивной организации поведения индивида, если и противоположные друг другу, то лишь в порядке снятия одной формы организации поведения другой, в совокупности же они друг друга дополняют и вне взаимного опосредствования не мыслимы¹⁹.

Отечественные опыты

Кратко представленный гегелевский подход к разделению морали и нравственности наряду с абстрактным правом под «шапкой» права вообще интересен главным образом в методологическом отношении, а именно тем, что мораль и нравственность не противопоставляются друг другу, но рассматриваются как разные аспекты некоего единого, хотя и градуированного, процесса свободного самоопределения личности согласно своему понятию. Эта глубинное внутреннее родство морали и нравственности чаще всего не признается современными сторонниками дивергенции морали и нравственности, в особенности отечественными.

В русскоязычной литературе различение понятий «морали» и «нравственности» становится довольно распространенным со второй половины 1980-х годов²⁰. Необходимо дополнительное исследование, чтобы утверждать, что это было единым движением, имевшим какой-то определенный источник. Однако в отдельных случаях можно достоверно проследить линию преемственности. Так, А.С. Барсукова опирается в этом вопросе на авторитет А.С. Арсеньева²¹, который входил в круг В.С. Библера, был его соавтором и в вопросе о разли-

¹⁸ Используя эту лексическую сцепку, обычно свойственную вульгарной публицистической речи, я хочу стилистически дистанцироваться по отношению к гегелевской спецификации понятий «мораль» и «нравственность», как и далее, обсуждая другие версии таких дистинкций.

¹⁹ В некоторых произведениях (например, в «Лекциях по истории философии», «Эстетика») у Гегеля есть рассуждения, свидетельствующие о понимании морали и нравственности как феноменов, знаменующих именно различные этапы общественно-исторического развития человека. Этот момент оказался доминирующим в интерпретации гегелевской дивергенции морали и нравственности А.С. Арсеньевым (*Арсеньев А.С. Взаимоотношения науки и нравственности: философский аспект // Развитие личности. 2013. № 4. С. 40–41*). В названных выше гегелевских произведениях, в которых, как считается, этическая проблематика дана Гегелем в наиболее развитой и концептуально завершенной форме, такое понимание не встречается.

²⁰ Спорадические случаи разведения морали и нравственности появлялись и прежде. К примеру, в этике: *Иванов В.Г., Рыбакова Н.В. Очерки марксистско-ленинской этики. Л., 1963; Гусейнов А.А. Мораль // Общественное сознание и его формы. М., 1986. С. 159–160, 177–188*. В этих работах распределение значений между понятиями в самых общих чертах коррелировало с гегелевским: мораль ассоциировалась с индивидуальным сознанием, нравственность – с общественным.

чий морали и нравственности развивал взгляды, весьма близкие взглядам Библера. Как бы ни было, высказывания отечественных авторов по этому вопросу близки по крайней мере в основополагающем разделении морали как внешних индивиду норм, чаще всего формальных и законных, и нравственности как области самоопределения личности.

За разделением морали и нравственности – две стороны индивидуального опыта. С одной стороны, общественное дисциплинирование, подражательность в решениях и действиях индивида, следование им воле большинства, внешнему предписанию лишь на основании самого факта предписания, исполнения установленного правила лишь из желания соответствовать правилу, а с другой – самостояние индивида, его самоутверждение в качестве личности, его решимость брать на себя всю полноту ответственности за каждый свой поступок; и при том, что каждый поступок в физическом плане вынужден, извне детерминирован, совершение поступка как своего поступка – намеренного, сознательного, свободного, как поступка исключительного, в пределе заключающего в себе весь смысл жизни, но который в конечном счете этот смысл жизни в себе не вмещает. В самих предписаниях, правилах, поскольку они могут становиться предпосылкой подражательных, послушных, исполнительских действий и, стало быть, не рефлексивных, продуманных, самосознательных действий, заключена бесчеловечность, одномерность, «усушенность» нормативного содержания. Эти устоявшиеся правила и есть «мораль». Напротив, нравственность – личностна, и как таковая она противопоставляет не только морали, но и идеологии, стремящейся к обобщению²². Универсальности идеологии нравственность противопоставляет рефлексивность, неповторимость свободного выбора, муки совести. В наиболее явном виде данные определения просматриваются у В.С. Библера²³, но в этом русле развивают свои мысли и другие авторы²⁴.

²¹ Взгляды на мораль и нравственность, весьма близкие тому, что проводили В.С. Библер и А.С. Арсеньев, по-своему развивал Д.В. Колесов. Статьи Колесова и Арсеньева по данному вопросу опубликованы в разные годы в журнале «Развитие личности».

²² Схожие значения фиксируются и лингвистами. См. Новейший большой толковый словарь русского языка. СПб.; М., 2008. С. 556, 659; Кушнир О.Н. Макроконцепты «право/закон» и «мораль/нравственность»: «фигуры конфликта» в поле взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 99–100. Однако соответствующие лингвистические исследования, касающиеся живой семантики разбираемых слов, пока не оставляют впечатления должной систематичности и полноты.

²³ В.С. Библер высказал эти идеи в тексте, опубликованном в виде небольшой брошюры (Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность: Философское размышление о жизненных проблемах. М., 1988), а затем, в несколько сокращенном виде, в виде статьи (Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль-1990. С. 16–57).

²⁴ В качестве казуса стоит отметить появление в последние годы стоящих особняком статей, авторы которых стремятся выявить у ранненовременных мыслителей (Бэкона, Декарта, Гоббса, Ламетри, Дидро) особые смыслы «морали» и «нравственности», разбирая русские переводы их произведений, простодушно доверившись прихоти переводчиков стилистически разнообразить русский текст использованием слов то «мораль», то «нравственность» для передачи английского «morality» или французского «moralité».

У Библера, в отличие от других сторонников дивергенции «морали» и «нравственности», есть своя особенность: нравственность для него проявляется в полной мере в том, что он называет «перипетийностью» личностного бытия. Вообще, «перипетия» – это неожиданная перемена, которая происходит с персонажем художественного произведения. У Библера перипетия – это неординарная, неопределенная по содержанию ситуация, в которой оказывается личность и в которой ей надо совершить уникальный поступок, поступок наперекор (чему угодно) – не просто поступить, но преступить. Поэтому, по Библиеру, «нравственность воплощается не в моральные нормы, но в *безвыходные перипетии свободного личного поступка*»²⁵. Назначая перипетийность в качестве показателя нравственности, Библиер, с моей точки зрения, мог бы претендовать на реформацию в этическом дискурсе. В моральной философии достоинство поступка усматривается не в его неординарности, а в том, какие ценности и по каким основаниям реализуются в поступке, к чему этот поступок приводит. Библиер ничего не говорит про ценности и возможную дифференцированность этического значения результатов поступка. Он проводит разделение «морали» и «нравственности» в контексте своих ретроспективных реконструкций античной, средневековой, нововременной, постновременной нравственностей (и здесь неясно, где «мораль», где «нравственность») в самых общих терминах. Однако в отсутствие заданных ценностных координат действительный смысл действий, вытекающих из состояния неоднозначности, перипетийности, остается неясным. Ведь неоднозначность может быть предпосылкой как свободных и автономных решений (с чем Библиер только и связывает нравственность), так и растерянности, дезориентированности, неопределенности в выборе, – всего того, что нередко чревато ошибочными и превратными действиями.

Мне кажется, конституированием различия между моралью и нравственностью Библиер берется разрешить неразрешимое, на его взгляд, противоречие, обусловленное несхождением *предписаний*, к тому же не всегда одномерно-непротиворечивых, и *поступка*, совершаемого как действие в многозначной, полиагентной, не всегда предсказуемой ситуации. Он находится под впечатлением, что однозначное по своему нормативному содержанию предписание (а может ли быть иным предписание?) требует такой же однозначности от поступка. Но последнее невозможно в силу указанной многофакторности ситуации поступка. Значит, поступок в своей многомерности – это уже что-то другое, и должно числиться по рубрике иного духовного, коммуникативного, поведенческого опыта, чем одномерная норма. Это и фиксируется как нравственность и мораль, благо, язык снабжает нас уже готовыми словами. Библиер предупреждает о тупиковости их смешения и видит риск последнего в некой близости не только самих этих слов, но и отображаемого в них, по его мнению, различного опыта. Эта предполагаемая близость между моралью и нравственностью местами снимается словом... «этический» («этическое поведение», «этические коллизии», «этический смысл», «этическое предписание», «этическое

²⁵ Библиер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья...). С. 18.

сознание») ²⁶. Добавление нового определения не способствует ясности концепции, к тому же оно и не оговаривается им никак.

Морально-нравственная практика, конечно, противоречива и, говоря словами Библера, трагедийна, перипетийна. Одни морально-нравственные требования могут исполняться ценой нарушения других. Библер указывает на требование «Не убий». Оно абсолютно. Но как исполнить его абсолютность в ситуации, когда нужно спасти того, кому угрожают убийством, и сделать это можно, только убив потенциального убийцу? Библер считает, что убивая убийцу, которого никак иначе остановить нельзя, человек, нарушая моральную норму, поступает нравственно, по совести. Однако этими словами Библер никак не объясняет поступок по совести, – видимо, полагаясь на интуицию читателя, он не берется за экспликацию феномена совести, без чего не до конца проясненной остается и нравственность.

Морально-нравственные предписания и действия в соответствии с ними предстают в не мистифицированном, хотя и более сложном, виде, если признать, что ценности и соответствующие им требования (назовем эти комплексы обобщенно – нормами), даже будучи частью единых этико-нормативных систем, в конкретных обстоятельствах могут требовать от морального агента несовместимых действий. В компетенцию морального агента входит принятие правильного и ситуативно релевантного решения. «Не убий» – основополагающая норма в большинстве морально-нравственных ценностных систем. Но наряду с ней не менее основополагающей является и другая – «Не допускай зла» (в смысле злодеяния, – уточнение необходимое, чтобы предупредить соскок мысли из нормативно-этического в метафизический контекст). Перед лицом возможного радикального зла норма противодействия злодеянию может становиться приоритетной по сравнению с нормой, запрещающей убийство, и в этом смысле способной ограничивать ее действие. Ограничивать ли действие одной нормы ввиду приоритетности другой или нет – предмет ответственного решения, принимаемого моральным агентом как членом данного морального сообщества (реального или виртуального), т.е. в силу наличного этоса или в силу собственных разумных оснований.

Как выше было отмечено, в вопросе о дивергенции морали и нравственности к Библеру примыкает Арсеньев, сфера научных интересов которого была на стыке философии и психологии. Последнее обстоятельство заслуживает внимания, потому что психологи, ассоциируя «мораль» с социальной регуляцией, социальными отношениями, роль последних в жизни человека каким-то образом принижают. Как суровому стороннику марксизма с его определением человека как совокупности всех общественных отношений, Арсеньеву должно было бы быть не с руки отвергать роль социальной регуляции поведения. Но, рассуждая о морали и нравственности, он никак не актуализирует для себя это марксовское положение и одновременно мобилизует все высказывания Маркса о капиталистическом обществе (во многом идеологически предвзятые) для представления социальности (сведенной к капиталистическим

²⁶ Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья...). С. 18, 21, 24, 28, 32–34 и т.д.

отношениям) как негативного фактора в жизни человека. По отношению к морали как средству социального дисциплинирования Арсеньев столь обличителен, что вынужден оговориться: «Из нашего краткого рассуждения о морали и нравственности не следует вывода, что нравственность – это “хорошо”, а мораль – “плохо”, или наоборот»²⁷, – хотя, строго говоря, из предложенного им обсуждения именно это и следует. В какой-то момент он признается, что разделение морали и нравственности – это дань диалектическому методу: этическое сознание противоречиво, и эта противоречивость должна выражаться в определенных противоречивых формах. Понятие долга распадается на противоречащие друг другу представления, и это представления «требований морали и совести»²⁸. Приверженец диалектического метода, Арсеньев не может радикально развести мораль и нравственность и, понимая их неотделимость друг от друга, признает, что практически человек руководствуется в своих решениях как моралью, так и нравственностью. Поскольку же свой анализ морали и нравственности он не доводит до выявления их функциональных и нормативных характеристик, тем более в их особенных проявлениях, то ничего определенного и содержательно-специфичного относительно морали и нравственности он сказать не может. Между тем при любви к диалектике и для сохранения верности этому методу совсем не обязательно противопоставлять «мораль» и «нравственность», к тому же функционально и содержательно не специфицированные. Очевидно, что при этически сфокусированном внимании взору теоретика открывается множество противоречий: автономия – гетерономия, саморегуляция – взаимная регуляция, должное – сверхдолжное, добро – зло, правильно – неправильное, достоинство – низость и т.д., – заслуживающих приложения диалектики.

Большинство сторонников разделения морали и нравственности представляют мораль не просто как внешний по отношению к индивиду социальный регулятив, но такой, в котором применяются формальные, имперсональные, консервативные средства регуляции. В крайней форме это нашло выражение в статье Колесова, который так изображает «мораль», что она фактически предстает совокупностью требований, которые обычно ассоциируются с порядком поддержания дисциплины в закрытых группах тоталитарного типа²⁹.

Завершая краткий, хотя репрезентативно исчерпывающий обзор подходов русскоязычных авторов к дивергенции морали и нравственности, стоит еще добавить, что хотят наши авторы или не хотят, но язык подспудно сопротивляется этому разведению, и большинству из них просто трудно выдерживать избранный ими семантический порядок. Мы видели, что Библер вынужден был для обобщенного обозначения «морали» и «нравственности» прибегать к определениям в терминах «этического». Не может обойтись без этого и Арсеньев³⁰. Наиболее явно невозможность последовательности в этом вопросе

²⁷ Арсеньев А.С. Взаимоотношения науки и нравственности. С. 49.

²⁸ См.: Там же. С. 45, 47.

²⁹ См.: Колесов Д.В. Указ. соч. С. 34, 35–36.

³⁰ Интересно в этом отношении его замечание: «Расщепление этического сознания на нравственность и мораль есть начало сложнейших переплетений чувств и мыслей, составляющих

проявилась у В.В. Знакова, убежденного сторонника оправданности разделения морали и нравственности. Энергично обсуждая этот вопрос на нескольких страницах книги «Психология понимания правды», он в остальных частях книги до и после этого фрагмента слова «мораль» и «нравственность» и их производные употребляет таким образом, что проследить какие-либо значимые различия между ними уже невозможно, эти различия оказываются невосребованными за рамками обсуждения самого вопроса об их различиях³¹.

Подходы в западной литературе

Возможность обсуждаемого лексического размежевания имеется не во всех языках: не везде наряду со словом «этика», греческого происхождения, и «мораль», латинского происхождения, есть родное слово, обозначающее то же или, условно говоря, то же, что слова «этика» и «мораль». Это характерно для русского языка («нравственность»)³² и для «немецкого» («Sittlichkeit»), причем этимология и того и другого слова³³ аналогична этимологии латинского «moralitas»³⁴ или греческого «ἠθικά» («ethika»)³⁵. В дискуссиях на русском по этому вопросу противники дивергенции «морали» и «нравственности» иногда в качестве аргумента указывают как раз на то, что назначение (установление) различий между «моралью» и «нравственностью»³⁶ не передаваемо на языках, в которых нет родного слова, аналогичного «нравственность» и «Sittlichkeit». Впрочем, обсуждения, касающиеся семантических различий, ассоциируемые русскоговорящими диспутантами со словами «мораль» и «нравственность», вполне возможны и в языках, не имеющих родного слова, аналогичного слову «нравственность», они там привязываются к иной лексической паре – «morality» и «ethics» (в английском) или «moralité» и «éthique» (во французском); – так что помимо того, что этот аргумент имеет внешний по отношению к сути обсуждаемого вопроса характер, он еще и не соответствует фактическому положению дел.

К слову сказать, текущие популярные англоязычные сетевые ресурсы демонстрируют интерес к проблеме разделения «ethics» и «morality» как особых

содержание нравственного мира человека» (Арсеньев А.С. Взаимоотношения науки и нравственности. С. 54).

³¹ Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб., 1999. С. 156–158.

³² Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 11 / Гл. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1986. С. 437–438.

³³ Немецкое слово «Sittlichkeit» («нравственность») образуется на основе прилагательного «sittlich» («нравственный»), в свою очередь, сложившегося на основе существительного «Sitte» («обычай», «нравы», «манеры»). См.: Sittlichkeit // Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Bd. 3. Berlin, 1910. S. 1338–1357.

³⁴ Latin Dictionary, Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary, Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten by C.T. Lewis, C. Short. [1879]. Oxford, 1958. P. 1181–1182.

³⁵ Платонов Р.С. Семантика слова «ἠθος» в древнегреческой культуре VIII–IV вв. // Этич. мысль / Ethical Thought. 2015. Т. 15. № 2. С. 20–38.

³⁶ Следует отметить, что слово «нравственность», имея общеславянский корень – «нрав-«нъровъ», является исконно и сугубо русским; такого слова нет ни в одном из славянских языков, даже таких близких, как белорусский, украинский или сербский.

сфер ценностного, поведенческого опыта. В обсуждениях *morality* и *ethics*, большинство участников которых просто образованные и любопытные до абстрактных обсуждений люди, разделение между «моралью» и «этикой» проводится как правило по той же схеме, что и русскоязычными авторами; единственная разница заключается в том, что «*ethics*» ассоциируется с тем, что в русских дискуссиях принято связывать с «моралью», а «*morality*» – с тем, что в русских дискуссиях принято связывать с «нравственностью»³⁷.

Рассмотрим для примера два опыта разделения морали и этики, предложенные П. Рикёром и З. Бауманом. Оба мыслителя в своих рассуждениях по разбираемому вопросу так или иначе отталкиваются от Э. Левинаса. Но, принимая его понимание «*moralité*», они вносят свои существенные акценты в понимание «*éthique*», «*ethics*».

Рикёр в большинстве своих морально-философских рассуждений исходил из различения этики (*éthique*) и морали (*moralité*). В наиболее развернутом виде эта концепция представлена в книге «Я-сам как другой» (1990). Согласно Рикёру, этика это область целей, это «стремление к совершенной жизни», мораль же – соединение этого стремления с нормами, – это область обязанностей³⁸. Этика телеологична, мораль деонтологична. К этике и морали Рикёр присоединяет фронезис – способность принимать правильные решения и совершать правильные, адекватные конкретной ситуации действия. Конфликт всегда ситуативен, его актуальное содержание непосредственно не релевантно общим нормам. Для действия в конкретной ситуации необходим переход от общих и универсальных норм к поступку. Поступок совершается в устремленности человека к его высшим жизненным целям, однако он должен быть ситуативно уместен, и в его соответствии данной ситуации проявляется ответственность лица, его совершающего.

Разделение этики и морали, считает Рикёр, в известной мере соответствует различию между моральной философией Аристотеля и моральной философией Канта. Хотя Рикёр и говорит о приоритетности этики над моралью, свою главную аналитическую задачу он видит в том, чтобы продемонстрировать взаимоопосредованность этики и морали и показать функциональную включенность деонтологического фактора поступка в телеологический. Так что хотя этика и приоритетна по отношению к морали, этика и мораль дополнительны: мораль переходит в этику, а этика неизбежно переходит в мораль. Вместе с тем, этика и мораль – это не только способы самоопределения личности в поступке, это еще и способы ее самоидентификации, и в этой области они также взаимно соотнесены – как на уровне самооценки, посредством которой личность устанавливает свое соответствие этической цели, так и на уровне самоуважения, посредством которого личность устанавливает свое соответствие должностованию, или обязательному в действии. Через самооценку и самоуважение осуществляется совершенствование личности.

³⁷ См., к примеру: Difference Between Ethics and Morals. URL: <https://philosophy.stackexchange.com/questions/22600/what-is-the-difference-between-ethics-and-morals> (дата обращения: 07.01.2021).

³⁸ Рикёр П. Я-сам как другой другой. М., 2008. С. 205.

Как видим, этика и мораль у Рикёра не разведены по границе индивидуального и социального, внутреннего и внешнего. Этика и мораль – это различные способы самоактуализации личности. Этическое связано с целью благой жизни, и это благая жизнь «с другим и для другого», это благая жизнь «в справедливых институтах»³⁹. Благая жизнь не допускает зла ни для действующего лица, ни для его окружения. Стремление к собственному благу (осуществляемое через достижение высших жизненных целей) возможно при условии, что оно не становится разрушительным фактором для Другого, для окружения. Для этого необходимо уважение к Другому, что обеспечивается нормативным порядком, исходящим от морали. Получается, что приоритетная по отношению к морали этическая цель поверяется моральной нормой и тем самым этика обогащается моралью. Этическое и моральное схожи в том, что они в равной мере опосредствованы отношением личности к Другому: этическая цель проявляется в заботливости, а моральная норма – в уважении. И этика, и мораль – интерактивны по своей природе.

Бауман предложил дивергентное понимание этики и морали в книге «Постмодернная этика» (1993). В ней слово «этика» (ethics) иногда используется, как и в других его работах, для обозначения специальной рефлексии относительно морали. Однако на переднем плане – особое значение этого термина, раскрываемое в прямом соотнесении с термином «мораль», также в особом, установленном им для этого произведении, значении. Бауман трактует мораль в духе левинасовской «этики» – феномена, формируемого фактом данности лица Другого: «Богоявленность лица – это этика»⁴⁰. Но для Баумана такова мораль – отношение полнейшей непосредственности между двумя, отношение, рождаемое из спонтанного импульса в ответ на Другого, из опыта восприятия Другого, переживания – до отношения к Другому, прежде какой-либо рефлексии относительно встречи с Другим. Моральное отношение спонтанно, импульсивно, непосредственно; это встреча с Другим, отклик на лицо Другого, принятие Другого в его незаменимости, признание своей ответственности за Другого и т.д. Как таковое это отношение нерелексивно. Лишь воспринятое извне, другими-посторонними оно обретает некий объективированный смысл и через других становится предметом рефлексии самих участников отношения.

Бауман понимает, что у Левинаса ситуация отклика на лицо Другого идеальна. Таково же рисуемое самим Бауманом моральное отношение. В прогрессивном анализе морального отношения Бауман видит неминуемость разлада в нем с радикальным изменением конфигурации ситуации. Последнее обусловлено появлением в ней наряду с Другим Третьего. Третий по-своему тоже Другой, но возникновение Другого как Третьего трансформирует интересую коммуникацию в сообщество. Факт Третьего привносит в ситуацию опосредованность, актуализирует частные интересы, разность которых не может не вести к конкуренции и конфликтам. Общество требует управления, по-

³⁹ Рикёр П. Я-сам как другой другой. С. 207.

⁴⁰ Левинас Э. Тотальность и бесконечное // Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. М.; СПб., 2000. С. 204.

нятной (само)регуляции, стало быть, стандартов и правил, с помощью которых эта (само)регуляция бы осуществлялась.

Соотносясь с Левинасом, Бауман отмечает, что Третий может быть встречен лишь за пределами морали Левинаса, в другом мире, на территории социального устройства, управляемом справедливостью⁴¹. Запредельность морали образуется этикой (а также юридическим законом). Сфера этики публична. Здесь значимы социальные различия, статусы, роли, регалии. Соперничество невозможно без сравнения себя с Другим и Третьим, без градации, без классификации.

Заключение

Попытаемся отвлечься от лингвистических и концептуальных различий и сфокусируемся на тех значениях, которые разные авторы привязывают к рассматриваемым терминам. Полученный реестр дан в таблице⁴²:

Феномен	Термин	Автор
уникальный поступок (уникальное решение) в условиях неопределенных обстоятельств	«нравственность»	Библер
	«мораль»	Рикёр
неповторимое, личное, непосредственное отношение к конкретному Другому	«нравственность»	Библер
	«мораль»	Левинас, Бауман
индивидуальное понимание того, что есть добро и зло, определяемое совестью	«мораль»	Гегель
	«нравственность»	Библер, Знаков, Колесов, Арсеньев
осознаваемая обязательность личности по отношению к нормам	«мораль»	Библер, Знаков, Колесов, Арсеньев
	«мораль»	Рикёр
обязанности людей друг по отношению к другу, опосредованные социальными институтами	«нравственность»	Гегель
	«этика»	Бауман
нормы общественных групп, социума	«нравственность»	Гегель
	«мораль»	Библер, Знаков, Колесов, Арсеньев
формальные нормы, сориентированные на прагматический результат, отражающие частные интересы	«мораль»	Библер, Знаков, Колесов, Арсеньев

Как можно видеть, выделенный спектр значений шире используемого набора терминов и потому не «умещается» в них однозначно. Выбор авторами терминов наверняка отражает какие-то культурные традиции и языковые интуиции, но по отношению к живому языку в целом носит произвольный характер.

⁴¹ *Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford; Cambridge, 1993. P. 47–53.*

⁴² Сложившийся реестр – результат огрубления, допущенного абстрагированием от варьирующихся в разных языках и культурах коннотаций используемых терминов.

Аргументацию в пользу использования того или иного термина, основанную на обращении к словарям естественного языка (что можно встретить как у русскоязычных авторов, так и в англоязычных популярных дискуссиях) – трудно признать убедительной. С помощью терминов закрепляются понятия, а понятия формируются в процессе концептуализации, построения теории.

Судя по русскоязычной литературе, для большинства авторов дивергенция морали и нравственности оказывается последним пунктом в аналитическом углублении в предмет; они представляют ее достаточным объяснением очевидной на эмпирическом уровне неоднородности состава как морали-нравственности, так и сферы неформализованной нормативной регуляции. Постулируя дифференцированность морали и нравственности, они, по-видимому, полагают, что дают достаточное теоретическое объяснение этой неоднородности, при том, что такого рода объяснение оказывается на самом деле формальным, не раскрывающим имеющегося разнообразия в функционировании морально-нравственных ценностей и норм. Во-первых, разные морально-нравственные ценности различны по характеру предъявления и, соответственно, по форме требований и характеру императивности. Например, принципы и нормы, образцы и идеалы, просьбы и мольбы, советы и предостережения в разной степени формализованы и кодифицированы, обладают различной повелительной силой, которая, в частности, по-разному распределена между разными по содержанию требованиями. Они по-разному обнаруживают себя на уровне личности, межличностной коммуникации и на уровне группы и общества, на уровне индивидуального выбора, вины или ответственности и на уровне общественного регулирования поведения, со стороны взаимодействия и со стороны личного совершенствования и т.п. Эта свойственная морали (нравственности) функциональная и нормативная разнородность теряется в описаниях, предлагаемых сторонниками дивергенции «морали» и «нравственности». Видя внутри морали-нравственности функциональные различия, упоминавшиеся авторы воспринимают их как *сущностные*, или онтологические различия и представляют разные функции, разные аспекты одной и той же функции как отличные по сущности явления. Последнее никак не способствует продвижению в их понимании. Во-вторых, описания морали, в отличие от нравственности, по сути дела уводят от морали как нормативной регуляции специфичной по арсеналу средств, с помощью которых эта регуляция осуществляется. Феномен, описываемый под рубрикой «мораль», развернуто и обоснованно идентифицирован в моральной философии в качестве традиционного обычая⁴⁵. Иногда в так понимаемой «морали» обнаруживают черты административного регламента, иногда воинской дисциплины. При этом «нравственность» может интерпретироваться таким образом, что из нее вообще исключается нормативный элемент, и тогда повисает в воздухе вопрос об основаниях нравственного самоопределения личности: в человеке всего лишь констатируется наличие некоего ценностно-ориентирующего начала, без каких-либо усилий по его описанию и теоретическому объяснению.

⁴⁵ Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк // Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды. М., 2002. С. 237–272.

При более широком рассмотрении сложившегося положения дел в данном вопросе, выходящем за рамки отечественной литературы, можно увидеть, что под названием «мораль» и «нравственность/ethics» выделяются различные аспекты ценностного мышления, ориентирующие на ценности-цели и на допустимые средства их осуществления, указывающие на разные типы блага (благо Другого и общее благо), на разные способы индивидуального самоопределения (в контексте непосредственно-личного и социально-опосредованного взаимодействия) и т.д. Несомненно, выделение этих различий, как таковое не оригинальное, но представляющее интерес тем, как, в каком концептуальном контексте это выделение производится, расширяет когнитивный, антропологический, социологический контексты философского-этического анализа. Однако их конституирование в качестве существенно различных феноменов (что мы видим у Рикёра и Баумана) этому анализу может препятствовать, искусственно создавая предметные разграничения там, где достаточно понимания функциональных особенностей. Во всяком случае, внутренние функциональные различия и шире, и богаче, чем те, которые этими двумя терминами схватываются.

Список литературы

- Арсеньев А.С.* Взаимоотношения науки и нравственности: философский аспект // Развитие личности. 2013. № 4. С. 8–70.
- Барсукова С.А.* Совесть как психологический феномен // Психологические исследования нравственности / Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 52–70.
- Библер В.С.* Нравственность. Культура. Современность: Философское размышление о жизненных проблемах. М.: ИИЕТ АН СССР, 1988. 57 с.
- Библер В.С.* Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах) // Этическая мысль-1990: Научно-публицистические чтения / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Политиздат, 1990. С. 16–57.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Гусейнов А.А.* Мораль // Общественное сознание и его формы / Ред. В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1986. С. 144–202.
- Дробницкий О.Г.* Понятие морали: Историко-критический очерк // *Дробницкий О.Г.* Моральная философия: Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. С. 11–344.
- Знаков В.В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 281 с.
- Иванов В.Г., Рыбакова Н.В.* Очерки марксистско-ленинской этики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 232 с.
- Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Пер. И.А. Шапиро // *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. С. 12–28.
- Кирилина Т.Ю.* Социология морали: учебник для вузов М.: ИНФРА-М, 2016. 190 с.
- Колесов Д.В.* Множественность различий нравственности и морали // Развитие личности. 2008. № 1. С. 33–60.
- Кушнир О.Н.* Макроконцепты «право/закон» и «мораль/нравственность»: «фигуры конфликта» в поле взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 98–101.
- Левинас Э.* Тотальность и бесконечное / Пер. И.С. Вдовиной // *Левинас Э.* Избранное: Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.

«Мораль» и «нравственность» (Веб-дискуссия, в рамках проекта «Развитие этического образования в высшей школе», 2004–2007). URL: <https://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/8.html> (дата обращения: 07.01.2021).

Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ-классик, 2008. 1534 с.

Платонов Р.С. Семантика слова «ἦθος» в древнегреческой культуре VIII–IV вв. // Этич. мысль / Ethical Thought. 2015. Т. 15. № 2. С. 20–38.

Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с франц. Б.М. Скуратова; под общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2008. 416 с.

Седакова О. Морализм искусства, или О зле посредственности // Седакова О.А. Избр. работы. Т. 4. Moralia: Эссе. Лекции. Заметки. Интервью. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 254–270.

Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 15. СПб.: Наука, 2005. 264 с.

Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 11 / Гл. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1986. 457 с.

Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993. 255 p.

Sittlichkeit // Eisler R. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Bd. 3. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1910. 813 S. 1338–1357.

Difference Between Ethics and Morals. URL: <https://philosophy.stackexchange.com/questions/22600/what-is-the-difference-between-ethics-and-morals> (дата обращения: 07.01.2021).

Irwin T. The Development of Ethics: A Historical and Critical Study. Vol. III: From Kant to Rawls. Oxford: Oxford UP, 2009. 1020 p.

Latin Dictionary, Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary / Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten by C.T. Lewis, C. Short. [1879]. Oxford: Clarendon Press, 1958. xiv, 2019 p.

On Divergence of “Morality” and “Ethics”

Ruben G. Апресян

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: apressyan@iph.ras.ru

The divergence of Russian concepts “moral” and “nравstvennost” (in German “Sittlichkeit”, in English “ethics”/“ethical life”, in French “éthique”) in various versions is quite common in literature and can be taken as a doubtless discursive fact. Usually such divergence is a result of substantialization of some functional and normative features of morality/ethics distinguished by philosophy. Internal heterogeneity is inherent in morality/ethics both at functional and normative levels. A special analysis of various attempts to discriminate “morality” and “ethics” is needed to clarify the theoretical and methodological prerequisites of such divergence, its principal expediency, probable rationale and possible ‘gaps’. For authors outside of philosophy, especially moral philosophy, the separation of “morality” and “ethics” often turns out to be the last stage in their contemplation of morality-ethics with an evident disregard of conceptual apparatus developed in moral philosophy to conceptualize the phenomenon of morality/ethics in its internal heterogeneity and polyvalence. It would be an oversimplification to think that attempts to diverge morality and ethics have been always a result of theoretical misunderstandings. On the contrary, the divergence may be motivated by convincing theoretical reasons and authors who apply such approach commonly consider it as a fruitful

way to enhance our understanding of normative culture and normative experience. The article attempts to analyze in the first approximation some projects in divergence of morality and ethics. The author of the article does not believe that the distinction of morality and ethics is truly sufficient, but does not exclude that such attempts being consistently implemented could have some positive theoretical effects, and should be evaluated in each individual case.

Keywords: morality – ethics divergence, G.W.F. Hegel, V. Bibler, A. Arseniev, P. Ricoeur, Z. Bauman

References

Arseniev, A.S. “Vzaimootnosheniya nauki i npravstvennosti: filosofskij aspekt” [The Relationship Between Science and Morality: a Philosophical Aspect], *Razvitie Lichnosti*, 2013, No. 4, pp. 8–70. (In Russian)

Barsukova, S.A. “Sovest’ kak psihologicheskij fenomen” [Conscience as a Psychological Phenomenon], *Psihologicheskie issledovaniya npravstvennosti* [Psychological studies of morality], ed. by A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevitch. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2013, pp. 52–70. (In Russian)

Bauman, Z. *Postmodern Ethics*. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993. 255 pp.

Bibler, V.S. *Npravstvennost’. Kul’tura. Sovremennost’: Filosofskoe razmyshlenie o zhiznennyh problemah* [Morality. Culture. Modernity: A Philosophical Reflection on Life’s Problems]. Moscow: IJET AS USSR Publ., 1988, 57 pp. (In Russian)

Bibler, V.S. “Npravstvennost’. Kul’tura. Sovremennost’: Filosofskie Razdumia o Zhiznennyh Problemah” [Morality. Culture. Modernity: A Philosophical Thoughts on Life’s Problems], *Etičeskaja mysl’-1990: Nauchno-publicisticheskie chteniya* [Ethical Thought-1990: Scholarly and Journalistic Readings], ed. A.A. Guseinov. Moscow: Politizdat Publ., 1990, pp. 16–57. (In Russian)

Difference Between Ethics and Morals. [<https://philosophy.stackexchange.com/questions/22600/what-is-the-difference-between-ethics-and-morals>, accessed on 07.01.2021].

Drobnitskii, O.G. “Ponjatie morali: Istoriko-kritičeskij očerok” [The Concept of Morality: A Historical and Critical Essay], in: O.G. Drobnitskii, *Moral’naja filosofija: Izbrannye trudy* [Moral Philosophy. Selected Works], ed. by R.G. Aprešsyan. Moscow: Gardariki Publ., 2002, pp. 11–344. (In Russian)

“Sittlichkeit”. In: R. Eisler. *Wörterbuch der philosophischen Begriffe*. Bd. 3. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, 1910. 813 S. 1338–1357.

Guseinov, A.A. “Moral’” [Morality], *Obshhestvennoe soznanie i ego formy* [Social Consciousness And its Forms], ed. by V.I. Tolstych. Moscow: Politizdat Publ., 1986, pp. 144–202. (In Russian)

Hegel, G.W.F. *Filosofia prava* [Philosophy of Right], ed. V.S. Nersesyants. Moscow: Mysl’ Publ., 1990, 524 pp. (In Russian)

Irwin, T. *The Development of Ethics: A Historical and Critical Study*. Vol. III: From Kant to Rawls. Oxford: Oxford UP, 2009. 1020 pp.

Ivanov, V.G., Rybakova, N.V. *Očerki marksistsko-leninskoj etiki* [Essays on Marxist-Leninist Ethics]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1963. 232 pp. (In Russian)

Kant, I. “Ideja vseobshhej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane” [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose], in: I. Kant, *Sobranie sočineniy v 8 t.* [Collected Works in 8 vols.], Vol. 8, ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Tchoro Publ., 1994, pp. 12–28. (In Russian)

Kirilina, N.Yu. *Sotsiologija: Učebnik dlja vuzov* [Sociology: A Text-book for Universities]. Moscow: INFRA-M Publ., 2016, 190 pp. (In Russian)

Kolesov, D.V. "Mnozhestvennost' razlichij нравственности i morali" [The Multiplicity of Differences Between Morality and Morality], *Razvitie Lichnosti*, 2008, No. 1, pp. 33–60. (In Russian)

Kushnir, O.N. "Makrokoncepty 'pravo/zakon' i 'moral'/nравственности": 'figury konflikta' v pole vzaimodejstvija" [Macro Concepts 'Law/law' and 'Morality/morality': 'Figures of conflict' in the Field of Interaction], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, No. 1, pp. 98–101. (In Russian)

Latin Dictionary, Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary. Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten by C.T. Lewis, C. Short [1879]. Oxford: Clarendon Press, 1958. xiv, 2019 pp.

Lévinas, E. "Totalnost' i beskonechnost'" [Totality and Infinity], in: E. Lévinas, *Izbrannoe: totalnost' i beskonechnost'* [Selected Works: Totality and Infinity]. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2000, 416 pp. (In Russian)

"Moral'" i "nравственности" (Veb-diskussija, v ramkah proekta "Razvitie jeticheskogo obrazovaniya v vysshej shkole" ["Morality" and "Ethics" (Web-discussion, within the Project "The Advancement of teaching Ethics in higher education"), 2004–2007] [<https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/8.html>], accessed on 07.01.2021]. (In Russian)

Novejšij bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The New Great Russian Definition Dictionary], ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint Publ.; Moscow: RIPOL–Classic Publ., 2008. 1534 pp. (In Russian)

Platonov, R.S. "Semantika slova «ἦθος» v drevnegrecheskoj kulture VIII–IV vekov" [The Semantics of ἦθος in the Ancient Greek Culture], *Eticheskaya Mysl'/Ethical Thought*, 2015, Vol. 15, No. 2, pp. 20–38. (In Russian)

Ricoeur, P. *Ya-sam kak drugoi* [Oneself as Another], ed. by I.S. Vdovina. Moscow: Humanities Literature Publ., 2008. 416 pp. (In Russian)

Sedakova, O. "Moralizm iskusstva, ili O zle posredstvennosti" [The Moralism of Art, or the Evils of Mediocrity], in: O. Sedakova, *Izbrannye raboty. Moralia: Esse. Lekcii. Zametki. Interv'ju* [Selected Works. Moralia: Essay. Lectures. Notes. Interviews], Vol. 4. Moscow: Dmitry Pozharski University Publ., 2010, pp. 254–270. (In Russian)

Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Dictionary of the 18th Century Russian Language], ed. by Ju.S. Sorokin. Issue 15. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 264 pp. (In Russian)

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vekov [Dictionary of the 11–17th Centuries Russian Language], ed. by D.N. Shmelev. Issue 11. Moscow: Nauka Publ., 1986. 457 pp. (In Russian)

Znakov, V.V. *Psihologija ponimaniya pravdy* [Psychology of Understanding the Truth]. St. Petersburg: Aleteia Publ., 1999, 281 pp. (In Russian)